

Кубанский Писатель

12+

Ежемесячная литературно-просветительская газета Краснодарского краевого отделения Союза писателей России. Выходит с 2005 г.

ПАНОРАМА

К 75-летию освобождения
Краснодара

«КАК СУВОРОВ, МЫ – НЕПОБЕДИМЫ!»

Очень взволнованно и заинтересованно отмечает молодёжь величественную дату – 75-летие освобождения Краснодара от немецко-фашистских захватчиков.

Студенты факультета журналистики и будущие филологи Кубанского государственного университета, студенты Краснодарского колледжа культуры и школьники собрались в читальном зале Центральной городской библиотеки имени Н.А. Некрасова, чтобы прикоснуться к памяти тех героических дней, познакомиться с писателями, отразившими в своём творчестве тему освобождения. Вечер-встреча проводилась 31 января в рамках популярной, ежемесячной программы гостиной «Музыкальная среда».

И надежды слушателей оправдались. Член Союза писателей России, видный учёный, общественный деятель Айтеш Хагуров рассказал о том, что пришлось ему, шестилетнему, испытать во время оккупации, познакомил с героями своей книги «Переправа». С чувством глубокого сострадания автор показал, как в годы войны матери с детьми преодолевали невзгоды на оккупированной территории, с каким желанием и отвагой дети помогали взрослым, учились.

Было заметно, как посуровели лица присутствующих. Был виден неподдельный интерес молодёжи к тому периоду жизни. Писатели и учёные из республики Адыгея Асфар и Марина Куёк дополнили рассказ краснодарца о том, как испытания спланивали людей, как крепла их дружба.

На встрече-встрече звучали любимые молодёжью песни о войне Владимира Высоцкого, который, как известно, тоже относится к этому поколению – «Дети войны». Но особенно взволновало слушателей чтение отрывков из книги «Переправа» студентами третьего курса театрального отделения колледжа культуры. Переполненный зал слушал их, затаив дыхание. С интересом была воспринята новая песня военной тематики композитора Николая Макаренко – руководителя камерного ансамбля старинной музыки «Возрождение» ЦГБ им. Н.А. Некрасова.

Достоинством заключительным аккордом «Музыкальной среды» стало чтение своих новых стихов о фронтовом Краснодаре известным кубанским поэтом, членом Союза писателей России, обладателем почётного титула «Духовное имя Кубани» Владимиром Архиповым. Символически прозвучали поэтические строки из стихотворения «Весна освобождения в Краснодаре»: «Город мой, весенний и любимый, Как Суворов, мы – непобедимы!»

Ирина КОРОВИНА,
ведущий методист отдела
культурно-досуговой деятельности
Центральной городской
библиотеки имени Н.А. Некрасова

СОБЫТИЕ

В Москве прошел XV отчетно-перевыборный съезд Союза писателей России. В его работе приняли участие делегаты КРО СПР Владимир Архипов и Светлана Макарова-Гриценко.

НЕПОДКУПНОЕ БОЛЬШИНСТВО

Первые итоги 15-го Съезда Союза писателей России

ключают могучую, разветвленную творческую организацию, которая имеет свой вес на местах, значение и характер в общероссийском масштабе, что и доказал 15-й съезд.

Знаковая встреча прошла 15 февраля, на праздник Сретения, в ЦДЛ. После обсуждения текущих вопросов и насущных проблем (рассказ о них и путях решения – особая статья) состоялось открытое голосование, на которое были выставлены две кандидатуры – и. о. председателя Николая Иванова и депутата Государственной Думы Сергея Шаргунова. По данным счетной комиссии, всего голосовало 164 делегата из прибывших 166 (надо было нижний буфет ЦДЛ закрыть!), Иванов набрал 132 голоса, Шаргунов, который свергся в незнакомую по сути стихию – 32 голоса. Перспективный писатель и политик не должен обижаться: он выступил с правильной речью, показавшей понимание нерешенных задач на государственном уровне, но ведь многие провинциальные да и московские писатели его просто не знали, не чувствовали как своего, сомневались в готовности целиком отдаться служению коллегам. Но Сергей тут же был введен в состав нового правления и утверждён сопредседателем СП наряду с самым уважаемыми писателями. Как написал Александр Смышляев с восточного края России накануне, когда ещё ничего не было ясно, всплывали неожиданные фигуры: «Конечно, какой из Станислава Куняева председатель – на поклон к нему потом ходить, что ли? Или даже не к нему, а к его шефу? Да ни за что гордый камчатец, северянин не пойдет к кому бы то ни было. А к Николаю Иванову, знаю, можно запросто зайти, поговорить, позвонить, узнать и т.д.! Не буду здесь распространяться ни о чьих достоинствах и недостатках, скажу лишь, что мы, камчатцы, наконец-то тоже определились». Это было общее настроение, и никакими посулами, доводами в духе времени, когда главное, дескать, быть вхожим во власть – не помогли.

Советник президента Владимир Толстой принял самое живое участие в работе съезда в заседании оргкомитета накануне. Мы благодарны за всё, чем он помогал прежде, за новую погруженность в наши проблемы, но его попытки сослаться на медийную узнаваемость

желаемого кандидата только навредили молодому претенденту. Писателей телевизионной популярностью не удивишь и в большинстве своём – не подкупишь. Более того, сразу возник вопрос: а чем не медийная личность сам Николай Иванов? Он уже в 15 лет стал вице-старшиной суворовской роты в составе ста своих ровесников. Сознательно прервал командирскую карьеру и подал рапорт, чтобы идти в военные журналисты, поехал в Львовское училище, потому что с детских лет на Брянщине хотел писать о военных подвигах. В первый же день службы лейтенантом во Псковской дивизии ВДВ пришел в Псковское отделение Союза писателей России, попал к замечательному нашему старшему товарищу – Александру Бологову, тот начал его печатать, свёл с Ю. Курановым, В. Курбатовым, С. Золотцевым, которые и стали его первыми профессиональными наставниками на литературной стезе. Прошел все должности в дивизионной газете, участвовал в 8-м Всесоюзном совещании молодых писателей с повестью об Афганистане «Гроза над Гиндукушем» – в семинаре Г. Маркова и А. Ананьева. Ананьев сразу взял повесть в журнал «Октябрь», а ЦК ВЛКСМ отметил её премией им. Н. Островского. После этого Николай Иванов был приглашен в литературный журнал «Советский воин», тираж которого в то время достигал 3 млн экземпляров и был светом для военных писателей. В октябре 1993 года, после расстрела российского парламента, Николай Иванов заявил, что журнал, на титуле которого теперь начертано «Честь имею!», не может себе позволить публикацию материалов одобряющих расстрел армией собственных граждан. И подал рапорт. Личным приказом министра Грачева Иванов был уволен не только с должности, а из Вооруженных сил «за низкие моральные качества». Потом была служба на другом государственном поприще и четырёхмесячный чеченский плен. Его выволакивали из плена многие, порой даже вредя громкой защитой. Но он вышел не сломленный и не обиженный – книги появлялись одна за другой, приходило и общественное признание. В последнее время он проявил себя признанным лидером и успешным деятелем. Кстати, на сцене ЦДЛ были вручены медали «За возвращение Крыма»

Валерию Ганичеву, Татьяне Ворониной (Севастополь), автору этих строк. А первым получил медаль – Николай Иванов, с которым мы вместе с крымскими писателями водрузили на Сапун-горе копию Знамени Победы. Так почему такой писатель не заслуживает телевизионной популярности? – объясните, а не упрекайте...

Николай Иванов принял на Сретение огромное, во многом разорённое и сложное хозяйство. Предстоит огромная работа. Прежде всего – по сплочению и омоложению ведущей писательской организации. Цифры – неутешительны: членов СП от 18 до 35 лет всего 4%. Есть региональные отделения, где таковых не имеется вообще! А вот писателей старше 70 лет – аж 20%. Первое же новшество сработало замечательно: при Союзе писателей был создан Совет молодых литераторов, и в рамках подготовки к съезду было предложено по возможности включить в состав делегации молодых, но заявивших о себе литераторов. Ждали человек 20-30 – ведь это хлопоты и деньги. А приехало 80! МГИК на Левобережной и молодые активисты организовали работу девяти творческих семинаров, руководители-делегаты включились в обсуждение заранее собранных работ. Думали принять человек 5-6 прямо на сцене ЦДЛ, а опытные наставники порекомендовали 18 человек! Для примера назову два имени. Поэт Александр Дашко родился и живёт в Ульяновске. Ему всего 24 года, но он уже поработал журналистом в нескольких ульяновских изданиях. Сейчас трудится во Дворце книги – Ульяновской областной научной библиотеке имени В.И. Ленина, где занимается реализацией культурных проектов, в том числе связанных с продвижением чтения. Председатель региональной молодежной писательской организации. Особый случай – Яна Сафронова, которая родилась в 1997 году в Смоленске, учится на 3-м курсе Московского государственного института культуры, специальность «Литературное творчество». Она уже – лауреат премии журнала «Наш современник» за 2017 год и была принята как критик. В 20 лет! Я вообще такого не припомню. Хотя, конечно, Яна пишет стихи и дебютировала в печати как поэт. Вообще, замечу, что большинство членов Союза писателей России – поэты, их 60,6% состава, прозаики – 49,2%, публицисты и критики – всего 18,5%. Поэтами руководить – особенно трудно: капризный и непрактичный народ. Зато – романтики, порой наивные, но не подкупные, что и доказал 15-й Съезд! Его результаты будем анализировать, осмысливать, а наказания и решения – претворять в жизнь.

Александр Бобров.
Москва.

К 75-летию освобождения Краснодара

КАКИМ ВЫСОКИМ СЛОВОМ МНЕ ПОДВИГ ВАШ НАЗВАТЬ?

Беспримерным Подвигом, изумившим весь мир, явилась героическая борьба советского народа против фашизма в суровые 1941-1945 годы.

В этом году Краснодарский край отмечает 75-летие освобождения от немецко-фашистских захватчиков. Уже к концу января 1943 года немцы были изгнаны из Отрадненского, Успенского и многих других районов. Победной поступью шла по Кубани Красная Армия. 12 февраля был освобожден Краснодар! Но предстоял ещё прорыв немецкой «Голубой линии», кровопролитные бои за южные кубанские станицы, за Крымск, за Новороссийск, Тамань... 9 октября вражеские войска были опрокинуты в Керченский пролив. И эта дата стала для нас великим днем полного освобождения Кубани от немецко-фашистской оккупации.

Так что же давало силы нашему народу выстоять, приближая Победу? Что укрепляло его дух?

Краснодарец Петр Михайлович Бондарь – ветеран ВОВ, 17-летним юношей прошёл войну от Днепра до Брест-Литовска. Дважды принимал участие в форсировании Припяти, в освобождении Риги, Выборга, Пиллау. Имел несколько ранений. Был награждён двумя орденами Красной Звезды, медалями за отвагу. Война для него закончилась в 21 год. На мой вопрос с удивлением повёл плечами: «Не знаю... Воевал все годы только на передовой. Сам не понимаю, каким чудом я остался жив. О том, что можем погибнуть – не думали тогда. Каждый из нас стремился только победить. Была какая-то убежденность в Победе. Боль за других давала силы идти в сражение».

А вот что в своих воспоминаниях рассказала краснодарка Валентина Алексеевна Толстая – ветеран трудового фронта Великой Отечественной войны. Война застала её 14-летней девочкой-подростком в родной кубанской станице Шкуринской:

«...вся станичная детвора, в том числе и я со своей 6-летней сестричкой, наравне со взрослыми женщинами работали в колхозе в полную силу от зари до глубокой ночи. На полях выращивали тогда не только хлеба, но очень важным стратегическим посевом считалась клещевина, из которой вырабатывалось ценнейшее масло для нашей авиации. Вот эту самую клещевину, рожь и

пшеницу мы, детвора, вручную и убирали. Навсегда запомнился этот адски тяжелый, недетский труд.

Когда освободили нашу станицу, тяжело болея, мне удалось закончить и среднюю школу. Невыносимо трудное и голодное было то время. Помню, ежедневно до глубокой ночи работая в поле и на току, возвращаясь поздно домой, я не ложилась спать, пока по радио в 24.00 не услышу гимн нашей Родины!»

По рассказам моих родителей, также из подлинных источников, в частности, из архивных документов и книг, я знаю о мужестве и своих родных – отца, мамы, братьев

и сестры – в годы Великой Отечественной войны. Именно в оккупационный период гитлеровскими войсками Кубани в нашем родительском доме располагался подпольный штаб, возглавлял который мой старший брат Владимир и мои родители. Этот факт описывается в книгах «Партизанские были», «Юные мстители» – автор Т. Подыма (изд. Краснодар, 1975 г.), и в публицистическом

боеприпасы... 12-летняя сестренка Владимира Валентина была для подпольщиков незаменимой связной...»

Трепетное волнение вызывает стенд Славы в муниципальном музее истории и краеведения имени Ф. И. Моисеенко в г. Лабинске Краснодарского края, посвященный героям Лабинского подполья, защищавшим Отечество и нашу малую родину в годы Великой Отечественной войны. В центре стенда – мои самые дорогие родные – Бабенко Павел Васильевич и Елизавета Петровна, братья, сестра: Владимир Кошелев был и организатором и активным участником партизанского движения; Валентина выполняла роль связной; участником тех событий был и младший Вячеслав Бабенко. Самый старший брат Иван Кошелев – закончив Таганрогское военное летное училище им. В. П. Чкалова в 1941 году, ушел прямо на фронт. В 1943 году он героически погиб. На мемориальной стеле Героев у Вечного Огня в Лабинске значится в списках героев.

Великая Отечественная война, ставшая всенародной, вошла в жизнь советских людей от мала до велика. Одних она позвала на фронт, чтобы с оружием в руках отбивать атаки врага. Других она поднимала на героический труд во имя обороны и Победы. В каждую жизнь она внесла тревоги и волнения, заботы и горести. Но ничто не сломило могучего духа наших земляков-кубанцев, всего советского народа. Они выстояли и ПОБЕДИЛИ!

И теперь священным гражданским долгом каждого из нас является продолжение их правого дела в мирном созидательном труде. И у каждого из нас всегда есть возможность своей конкретной заботой, чутким внимательным отношением отдать должное их Памяти, их Подвигу, борьбе и мукам их во имя светлой Победы, во имя всеобщего мира.

Татьяна Немчинова

ПУШКИНИАНА. К 110-летию актрисы Ирины Володко

СКОРБИМ

Нина Стрижова

ПОРТРЕТ НА ПОЛОТНЕ ЭПОХИ

(Отрывок из документальной повести)

...В начале XX века дом на Коммунаров, 58, где располагается теперь художественная галерея «Сантал», был наполнен хоральным пением и глубокой молитвой, поскольку принадлежал протоиерею Иоанну Куцу и его многочисленному семейству.

Революция 1917 г. многое изменила в жизни страны, города и судьбах людей. А дом, навсегда попрощавшись со своими хозяевами, заселялся семьями других

постояльцев, которых разделяли наспех сколоченные деревянные перегородки и объединяли бесконечная коммунальная суэта и хлопоты. Жизнь продолжалась, а в памяти жильцов осталось только название места – «поповское подворье», без имени и фамилии его бывшего владельца.

Одна из историй дома начиналась в 1945 г., когда в двух небольших комнатах с высокими потолками поселилась Тамара Даниловна Купленикова (1915–2012 гг.) со своей семьей – мужем, сыном и матерью Еленой Николаевной Зильманович (Кулешова) (1893–1974 гг.), которая являлась родной сестрой знаменитой кино-

актрисы 1920–1930-х гг. Ирины Николаевны Володко (1908–1988 гг.)

Эта история, как и прочие, могла бы уйти в забвение за давностью лет, но... как в народе говорят: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Именно этот дом, по ул. Коммунаров, 58, в тяжелый жизненный период стал пристанищем для киноактрисы Ирины Володко, куда она вернулась осенью 1969 г. одинокая, отчаявшаяся, растерянная. Это был город ее детства, юности, к которому она через всю жизнь, полную светлых и печальных событий, бесчисленных переездов, пронесла свою любовь. Она вернулась к своим родным, привыкшим видеть Ирину красивой, успешной, в лучах славы. Теперь же перед ними стояла скромно одетая 61-летняя женщина с двумя небольшими чемаданами, в которые вместились все её имущество. Она вполне искренне сказала сестре Елене: «Меня больше не любят...». Тогда Ирина Николаевна не подозревала, что судьба готовила ей еще одно испытание – возвращение к истокам, дабы возвеличить снова и оставить память о ней в её родном городе.

Ирина Николаевна Володко (урожденная Кулешова) родилась в Екатеринодаре 16 февраля 1908 г. в дворянской семье. На углу ул. Красной и Постовой, в двухэтажном особняке Кулешовых проходило её детство. На лето семья вместе с детьми уезжала на свою дачу в г. Геленджик. Там, на Толстом Мысе, у самого берега Черного моря находилось удивительное по архитектуре каменное строение с башней, окруженное дивным парком с фонтанами.

Глава семейства Николай Николаевич Кулешов – отец Ирины, инженер и зоотехник по образованию, был совладельцем конезавода под Армавиром, где они вместе с бароном Штейнгелем разводили орловских рысаков для императорского двора и пополняли казачьи полки Юга России. Будучи советником от дворянства при казначестве, Николай Николаевич затолкался о «пользе общего дела для блага города». Его жизнь закончилась трагически: объезжая молодых жеребцов, упал с лошади и погиб.

(Продолжение на стр. 3)

ПАМЯТИ ВИКТОРА ЖОРНИКА

Кубанская литература понесла большую утрату. 30 января 2018 года на 84 году жизни скончался известный поэт, член Союза писателей России, лауреат премии им. Антона Головатого, Виктор Михайлович Жорник.

Ушел вдохновенный певец Тамани, чьё творчество неразрывно связано с отчим краем, «с тем уголком земли», который он любил и славил в своих произведениях.

Виктор Михайлович родился в 1934 году в станице Старотитаровской, в казачьей семье. Будущему поэту исполнилось семь лет, когда началась Великая Отечественная война. После освобождения Кубани – Ахтарская мореходная школа, учеба в Кубанском сельскохозяйственном институте, работа инженером, преподавателем в Краснодарском техникуме сахарной промышленности, редактором в газетах «Тамань литературная» и «Мострангаз на Тамани». С 1998 по 2001 г.г. В. М. Жорник руководил районным ЛИТО «Лукоморье».

Сочинять стихи Виктор Жорник начал рано. Одно из его первых известных стихотворений «Кино военных лет», написано в 1956 году, когда автору было всего 22 года. Первый поэтический сборник «Свет добра» вышел в 1983 году в издательстве «Таврия». Впоследствии им было издано около двадцати книг, в том числе, трехтомное собрание сочинений, вышедшее в Ульяновском Доме печати (2000-2001гг.) Его творческая амплитуда не ограничивалась одной лишь лирикой, среди героев его произведений – древнегреческий философ Сократ и украинский философ Григорий Сковорода.

Виктор Михайлович был не только поэтом, но и известным краеведом, создателем объемного исследования «Русь Черноморская», а также книги «Страна Амазония» – посвящённы истории, природе, культуре и людям Тамани.

Во многих стихах Виктора Жорника критики отмечали яркие художественные образы и поэтические находки, делающие его творчество своеобразным и неповторимым. Поэтическая строчка «в ручье купается стихотворенье» стала визитной карточкой поэта. Читателям полюбились его стихи «Сбор колосков», «Темрюкский базар», «Осень на берегу лимана» и многие другие.

Все самое лучшее, что создано ушедшим в бессмертие поэтом, связано с милой его сердцу Родиной, которую он любил и воспевал до последнего вздоха. Глубоко скорбим по поводу кончины нашего собрата по перу, Виктора Михайловича Жорника, и выражаем глубокие соболезнования семье и близким покойного. Светлая ему память!

Писатели Кубани, члены краевого регионального отделения Союза писателей России.

ПУШКИНИАНА. К 110-ЛЕТИЮ АКТРИСЫ ИРИНЫ ВОЛОДКО

Нина Стрижова

ПОРТРЕТ НА ПОЛОТНЕ ЭПОХИ

(Отрывок из документальной повести)

(Окончание. Начало на стр. 2)

Мать – Екатерина Федоровна Кулешова (Карма), получила образование в пансионе благородных девиц, была хороша собой, в 16 лет вышла замуж, родила пятерых детей, умерла во время родов пятого ребенка в 1914 г., в возрасте 40 лет.

Бабушка – Полина Александровна Карма (1840–1930 г.), имела хорошее образование, закончила институт благородных девиц и Бестужевские курсы медсестер. Позднее училась в Академии художеств в Петербурге. Одаренная от природы, она знала несколько языков, свободно говорила и читала по-французски, по-немецки, прекрасно музицировала. Её жизнь прошла в заботе о дочери и воспитании её пятерых детей. В 1914 г. на плечи 74-летней женщины, похоронившей зятя и дочь, легли все заботы о внуках: новорожденном Володе, старших Николае, Елене, Петре. Ирине было 6 лет. Будучи глубоко верующим человеком, Полина Александровна стойко переносила удары судьбы. В смутное время, наступившее в 1917 г., когда рушилось всё, она безропотно занималась спасением и воспитанием внуков и малолетней правнучки Томочки – дочери Елены Николаевны. Старшие внуки Николай и Петр эмигрировали за границу, связь с ними была потеряна.

Ирина Николаевна Володка и её племянница Тамара Даниловна Куплиеникова всегда вспоминали Полину Александровну с гордостью и уважением к её талантам, восхищались стойкостью духа, умением переносить любые невзгоды, не теряя достоинства и не пренебрегая духовной пищей, даже в суровые годы революции, национализации, экспроприации и бесконечных переездов.

Все члены семьи хорошо помнили времена террора и репрессий, наступивших в марте 1918 г., когда Екатеринодар был занят красными отрядами и находился на военном положении. Реквизиция зданий, имущества, национализация предприятий сопровождалась арестами мирного населения, в основном интеллигенции, представителей которой убивали без суда и следствия. Вооруженная толпа разгромила Картинную галерею Ф. А. Коваленко, нанеся огромный ущерб. Бандиты, освобожденные из тюрем, вместе с вооруженными красногвардейцами бесчинствовали в городе, не желая никому подчиняться.

Тамара Даниловна Куплиеникова часто читала стихотворение «Рожденные в года глухие» Александра Блока и вспоминала тот детский испуг, оставшийся на всю жизнь. Ей было 3,5 года, Ирине 10 лет, когда в их дом ворвались вооруженные грабители, искали драгоценности и деньги, разбивали фарфоровые вазы, подбрасывая их ногами. К счастью, в семье все остались живы, но находиться в городе было опасно. Члены семьи разделились и скрывались по станицам, избежав тем самым голода, разразившейся эпидемии холеры и артобстрела Екатеринодара, перед тем как в него в августе 1918 г. вошла Добровольческая армия генерала Деникина. На два года была восстановлена власть казачьего правительства. Картинную галерею Ф. А. Коваленко, разгромленную при большевиках, привели в порядок и открыли для посещения публики. В Екатеринодаре открыли политехнический институт, продолжало работать Екатеринодарское художественное училище. Ирина Кулешова вернулась с бабушкой в город, училась в женской гимназии.

Полина Александровна до последних дней своей жизни, а прожила она 90 лет, оставалась ответственной за судьбу внуков. Уже в конце 1920-х гг. она давала уроки музыки и иностранных языков, поддерживая материально семью правнучки, дочери Елены, когда трудно было найти работу. Она к тому времени плохо видела и просила правнучку Томочку (Тамару Дани-

ловну Куплиеникову) сопровождать её, а та уговаривала бабулю снять шляпку-колпак, поскольку все в то время ходили в платках, бабушка же объясняла правнучке, что она не умеет повязывать платок. Казалось, в ней одной вместились такой значительный пласт культуры, что её уроки жизни воспитанники помнили всегда. Она научила их жить в предлагаемых обстоятельствах. Ещё много пришлось пережить семье Кулешовых. В ноябре 1920 г. действующие части Красной Армии вошли в город. Екатеринодар был переименован в Краснодар. После реквизиции имущества у семейства Кулешовых-Кармы остались нехитрые пожитки и самое главное – жизнь, и они были счастливы.

Ирина, закончив гимназию в 1923 г., по совету бабушки Полины Александровны, считавшей, что у внучки есть талант, поступает в Кубанский художественный техникум (ныне Краснодарское художественное училище), который был основан в 1911 г. как Школа живописи и рисования благодаря энергии и заботам основателя Картинной галереи г. Екатеринодара Федора Акимовича Коваленко (1866-1919гг.)

Это учебное заведение с авторитетным составом преподавателей (Г. А. Аветисьян, Н. Д. Шариков, Я. Г. Гарбуз, М. В. Ружейников и т.д.) было гордостью на Юге России. В тот период обучалось в техникуме 162 человека в возрасте 15 лет и старше.

В 1923 г. Кубанский художественный техникум располагался в довольно большом и красивом здании на углу ул. Красной и Гимназической (бывший дом Аведовых, а ныне это Гимназическая, 61). В 1977 г. его восточный фасад украсило мозаичное панно автора В. Ф. Папка «Я вызову любое из столетий», которое стало визитной кар-

точкой г. Краснодара.

Ирина Кулешова училась с большим интересом, её рисунки хвалили, а бабушка радовалась успехам внучки и тому, что ее уроки рисования не были напрасны.

Время революционных реформ и смуты в стране прошло, 1924 г. в Краснодаре обещал стабильность. Заработали кино-театры, открывал сезон театр, оживала деятельность Государственного Кубанского художественного музея им. А. В. Луначарского (ныне Краснодарский краевой художественный музей им. Ф. А. Коваленко). С восстановлением самостоятельности Музея началась интенсивная и действенная работа. Большой вклад в пополнение картинами музейного фонда, выделенными Главмузеем, внес Ромуальд Казимирович Войчик (1888–1958 г.), научный сотрудник и заведующий Музеем. Свыше 450 экспонатов громадной художественной и исторической ценности были им отобраны и переданы Кубанскому художественному музею из собрания картин Государствен-

ного Эрмитажа. Для провинциального музея это стало исключительным событием, позволившим составить одну из лучших коллекций художественных произведений на Северном Кавказе и начать широкую культурно-просветительскую работу. Осенью 1924 г. состоялась выставка художников из Ленинграда, где и произошла встреча молодой студентки Ирины Кулешовой со столичным художником Владимиром Володкой. Это была взаимная любовь с первого взгляда. Через неделю Владимиру нужно было возвращаться в Ленинград, молодые получили благословение родных, обвенчались и уехали из Краснодара. Конечно же, красавица-жена произвела впечатление на художников Северной столицы. В большом городе её многое интересовало и влекло, но Владимир Володка оказался слишком ревнив.

С 1925 по 1926 г. Ирина Володка работала художником в «Новой вечерней газете». По вечерам увлеченно занималась в театрально-танцевальной студии под руководством Евдокии Александровны Бартевьевой. Балет всегда был её мечтой. В этот же период поступают первые предложения сняться в кино. Первая эпизодическая роль была в фильме известного режиссера и кинодраматурга Семена Тимошенко – «Наполеон-Газ», затем ещё один эпизод в фильме «Мисс Менд» режиссеров Федора Оцепа и Бориса Барнета. В трудовой биографии И. Володка есть такой факт: в 1926–1946 гг. она работала на киностудиях «Севзапкино» и «Ленфильм».

Известный кинорежиссер и актер Владимир Гардин в 1926 г. задумал снять фильм о А. С. Пушкине, был объявлен конкурс, начались пробы. На роль Натали – жены

с молодым кинорежиссером Евгением Вениаминовичем Червяковым (1899–1942 гг.)

Оба понимали ответственность, ведь им предстояло впервые в истории отечественного кино создать на экране образ А. С. Пушкина.

В. Гардин остановил свой выбор на Е. Червякове, актер с головой окупился в очень трудную, но интересную работу. С этого момента он был режиссером, киноактером и сценаристом.

Ирина Николаевна Володка вспоминала о титанической работоспособности Е. Червякова. Во время съёмок он был душой съёмочного коллектива, его совестью. Несмотря на молодость, он имел профессиональное образование и опыт актерской работы. В 1919–1921 гг. Е. Червяков работал в драматическом театре в г. Ейске, затем в Ленинграде актером и ассистентом режиссера «Севзапкино». А. С. Пушкин в исполнении Е. Червякова был живым, экспансивным, горячим и даже резким, и при всём этом – веселым, обаятельным, каким его, вероятно, представляет большинство людей. Все последующее творчество Червякова-киностановщика было посвящено созданию характерных образов героев, популяризации добра и любви.

В начале Великой Отечественной войны Е. Червяков мог, как и другие, эвакуироваться в тыл вместе с киностудией «Ленфильм», но он решил добровольно остаться в Ленинграде и защищать его от врага. Неуловимый мститель-партизан «Ч» в форме немецкого полковника действовал в тылу противника, выполняя самые трудные и ответственные задания. Комиссар партизанского отряда С. Н. Соколов писал жене героя Н. М. Червяковой о том, что «...благодаря его бесстрашию и находчивости отряд выходил из боя без людских потерь».

Став командиром Красной Армии, Е. Червяков продолжал воевать с фашистами под Ленинградом. 16 февраля 1942 г. он был тяжело ранен в живот (как и А. С. Пушкин) и умер на следующий день в госпитале. На братской могиле, под Ленинградом, стоит памятник, среди имен, высеченных на камне, есть и его имя: старший лейтенант Е. В. Червяков, кинорежиссер.

А тогда 1927 г. фильм «Поэт и царь» с огромным успехом прошел не только на экранах нашей страны, но и за рубежом. Картина месяцами не сходила с экранов, люди смотрели её по нескольку раз, всех привлекал образ любимого поэта, отмечали безупречно сыгранную роль Натали. Фильм «Поэт и царь» принёс девятнадцатилетней Ирине Володке всеобщее зрительское признание и широкую популярность.

Она вынуждена была расстаться с мужем, сделав выбор в пользу кинематографа, и с восторгом вошла в мир, где требовались её красота, талант не для созерцания, а для работы, для создания образов, характеров, её умение держаться, носить платья, её художественная интуиция. Ирина Володка снимается у именитых режиссеров того времени: А. Иванова, Ч. Сабинского, Ю. Желябужского, А. Роома, и даже в фильме «Иван Грозный» легендарного С. Эйзенштейна в роли придворной дамы. Конечно, Ленинградская киностудия, работа со старой петербургской интеллигенцией не могли не обогатить Ирину, не дать её таланту глубины понимания и высокого предназначения искусства.

ЮБИЛЕЙ

Сергей Лёвин

Лёшка Цыган

Десятилетнему мальчишке из интеллигентной семьи в конце восьмидесятых для счастья требовалось немного: пара закадычных друзей, таких же хорошистов, редкая книга из читального зала, которую библиотекари по большому благу разрешали взять на дом, и, главное, не угодить в лапы к шпане, которой в нашем промышленном городке водилось с избытком.

Хулиганье вольготно обитало в каждом уголке Котовска, классифицируясь на «пионерских», «кирпишанских», «шанхайских» и прочих – именуемых в честь улицы или микрорайона, где размещался прайд. Чтобы почувствовать себя более-менее в безопасности, ребёнку моего возраста желательно было «ходить» с одной из группировок. Когда останавливали на улице, первым делом спрашивали: «С кем ходишь?» Я, понятное дело, ни с кем – не то воспитание, не та среда. Поэтому старался не попадаться – благо, жил в благополучном доме, заселённом преимущественно пенсионерами или молодыми парами с дошколятами.

Но однажды родители огорчили – переезд! После смерти бабушки решили разменять две квартиры – её и нашу – на одну побольше, в «сталинке» на улице Котовского (с фантазиями у топонимической комиссии, видимо, было туго). И как-то быстро всё провернулось, месяц на всё про всё, и мы уже на новом месте, всего в паре кварталов от прежнего – и в другом мире.

В трёхэтажном доме – три подъезда, по шесть просторных, с высокими трёхметровыми потолками трёхкомнатных квартир в каждом. Это была коммуналка, но то ли после начала перестройки, то ли немного раньше жильцы поденжистее стали выкупать комнаты у соседей, высвобождая себе пространство побольше да поудобнее.

За стеной у нас обитало семейство евреев – лет через семь они дружно эмигрировали в Штаты. Глава ячейки общества с гордым именем Яков, которого все соседи, тем не менее, панибратски называли Яшкой, работал тренером по настольному теннису в местной спортшколе, крепко выпивал по праздникам и не только, а ещё, часто и подолгу возясь с велосипедом в сараюшке, расположенном во дворе дома, откликался, когда тётя Надя этажом ниже звала домой кота – его тёзку. Самым смешным было, когда звучало громкое «Я-а-а-аш!», и головы поворачивали оба и одновременно – сидящий вихрастый еврей и пушистый чёрный кот, пробегающий мимо по одному ему известным делам.

А вот напротив... Напротив нас жила семья с ребёнком – моим ровесником. Он был небольшого роста, коренаст, смугл, с чёрными вороньими глазами и того же цвета непослушными волосами, торчащими в разные стороны так, словно выражали протест расчёскам как классу. Звали его Лёшка Цыган, с ударением почему-то на первом слоге. На родителей: вечно замотанную тётю Зину в очках с толстыми линзами и дядю Юру – Дядьору – субтильного лысеющего автослесаря – отпрыск не походил ни капли.

Как же я его боялся! Взгляд исподлобья, вечно насупленный, недовольный вид – даже по лестнице он поднимался и спускался нервно, прыжками через две или три ступеньки, будто скрываясь от кого-то или, напротив, преследуя. Страшнее всего казалось столкнуться нос к носу. Иногда это происходило – в одном подъезде неизбежно! – и никто не здоровался, не кивал «привет». Я проносился мимо вихрем, да и Цыган не снижал спринтерской скорости. Ш-ш-ш! – только ветер по лестничной площадке.

Усугубляли страх перед чужаком рассказы покойной прабабушки, которая, ког-

да я был совсем маленьким, пугала меня цыганами: говорила, те ловят на улицах непослушных детей и варят из них мыло. А взрослых объегают, дурманя разум гипнозом. В общем, завидев в городе цыганок в цветастых нарядах, я инстинктивно старался перейти на другую сторону улицы или вовсе сделать крюк, обойдя квартал.

Однажды мама доверительно сообщила мне, что Лёшка не родной ребёнок – его взяли из детдома. Он и правда цыганёнок, настоящие родители его жили в посёлке с экзотическим названием Калиныч между Котовском и Тамбовом. В семье произошла трагедия: кто-то погиб, или покончил с собой, или зарезали по пьянке – чёрт его знает, что там у этих цыган происходит, кровь горячая, темперамент не хуже чем у итальянцев. В общем, совсем маленького Лёшу определили в детдом, откуда его забрали тётя Зина с Дядьорой. У них самих детей завести не получалось – лишь повзрослев, я понял, что иногда одного желания мало, и существует множество проблем, о которых пацанятам знать не надобно. Говорят, Лёшка сразу подбежал к тёте Зине, обнял её колени и прошептал: «Мама». Персонал ахнул – в заведении считалось, что ребёнок немой...

Не дружественное, но и не военное сосуществование между двумя десятилетками, обитающими дверь в дверь, продолжалось долго. Я не пытался делать шаг навстречу, Цыгану этого тоже не требовалось.

Но однажды произошёл случай, который всё изменил.

Я плёлся домой из школы сквозь дворы с непременно сараями, таща набитый учебниками рыжий кожаный дипломат, с которыми, кажется, ходил в ту же школу четвертью века ранее мой отец. И тут раздался свист. Я знал, что ничего хорошего он не предвещает, но всё-таки обернулся.

Ко мне приближалась компаха из пяти пацанов: двое примерно моего возраста, остальные постарше, класса из шестого или седьмого. Один курил папиросу – видимо, лидер.

– Эй, шкет, ты чьих будешь? – слегка растягивая слова, спросил один из взрослых.

– Я... Я...

– С кем ходишь? – уже раздражённо.

– С «пионерскими», – зачем-то соврал я. Очень неуверенно. Сам бы не поверил.

– Жилу знаешь?

Я, естественно, не мог знать Жилу. Или Чичу, или Дрюшлака – клички у шпаны были сплошь дурацкие, часто образованные из искажённых фамилий или качеств «носителя»: Чича – Чичканов, Жила – умеющий жульничать – жилище, Дрюшлак вообще от имени Андрей.

Надо было что-то отвечать, и я решился:

– Знаю.

– Он нам два червонца торчит. Гони ты за него, раз знаешь.

– У меня нет.

– А если найдём?

Я с ужасом вспомнил, что в кармане лежит мятая десятка и пара рублей мелочью – НЗ на воскресную поездку в Тамбов, где я мечтал прикупить в коллекцию пару новых плакатов. Стены моей комнаты тогда были завешаны цветастыми постерами со Шварценеггером, Сталлоне, Ван Даммом и Брюсом Ли. На центральном рынке областного центра их продавали глухонемые парни, демонстрирующие цену пальцами и потешно мычащие.

Деньги, в общем, немалые. И целевые!

– Харэ телиться, шмонай его! – скандовал старший, которому надоело моё перетоптывание на месте.

Малые тут же подскочили: один крепко

схватил меня за руку с портфелем и начал заламывать её за спину, а второй полез в карман. Не знаю, что на меня нашло, но я взбунтовался, резко вывернулся и угодил дипломатом – весьма увесистым! – по башке одному из гоп-стопщиков.

– Дерётся, сучонок! – весело удивился предводитель, выплюнул бычок и внезапно очень сильно и больно саданул меня кулаком между глаз.

В голове зашумело, выступили слёзы. Я больше не чувствовал в себе ни грамма смелости: только страх и горечь, что вляпался в передрагу.

Компания тем временем проворно и профессионально обшаривала мои карманы, попутно награждая тумачами да затрещинами – больше профилактическими, не в полную мощь, но чудовищно обидными.

Я всю ревел, не заботясь о репутации, и почти ничего не слышал. Подковырки хулиганов звучали белым шумом сквозь всхлипы и шмыганья носом. Но тут до меня донеслось:

– Эй, вы чего впятером на одного?!

Оторвав взгляд от земли, я увидел... Цыгана. Он выглядел решительно: прислонил ранец к тополиному стволу и стоял в паре метров от нас, сжав кулаки.

– Ты кто такой, а? С кем ходишь?! – отвернулся от меня вожак.

– С «южанскими».

– А чего здесь потерял? Чё ваще такой борзый?!

– Впятером на одного только петухи наезжают.

– Пацаны, вали его! – крикнул кто-то, я не разобрал.

Лёшка поднял кулаки на уровне плеч, встал в боксёрскую стойку. «Он же в секцию ходит!» – вспомнил я и увидел, как он наносит противникам точные и весомые удары.

Однако пятеро непрофессионалов – всё же не один, даже тренированный спортсмен. Из рассечённой брови потекла кровь, кто-то подло саданул Цыгана ногой под колено, и тот сорбился, получая мощные тычки в корпус и голову.

Сбоку раздалась ругань – матерная, грязная. Из-за сарая вышла пара старшеклассников. Кажется, они жили в нашем районе и Лёшку знали. Точно!

– Наших бьют! – крикнул один из них. И закипела драка!

Поняв, что до меня здесь никому нет дела и я вряд ли понадоблюсь в ближайшем будущем, я схватил дипломат и помчался домой, не оглядываясь...

Тем же вечером я впервые позвонил в дверь напротив. Открыл Цыган: с заплывшим веком и распухшей губой, но бодрый и со смешинкой в чёрных глазах.

– Спасибо, – тихо сказал я.

– Да чего там. Заходи, у меня отец вчера видик у дядьки взял на пару дней, фильм есть новый: «Кобра», боевик. Давай вместе смотреть – одному скучно.

Вскоре мы стали с Лёшкой друзьями не разлей вода. И хотя он продолжал ходить с «южанскими», а я не вылезал из библиотеки, нам это не мешало.

Лишь через семь лет, когда я поступил в вуз и начал каждый день мотаться из Котовска в Тамбов и обратно, а Цыган, окончив местный технарь, устроился на завод электриком, наша дружба растворилась в суете и заботах взрослой жизни.

Но я до сих пор помню тот страх перед смуглым цыганёнком из квартиры напротив и чувство невероятного облегчения и радости, когда этот почти совсем незнакомый человечек ринулся мне на выручку, невзирая на то, что хулиганов было пятеро, а он – один...

ВЫПЛЕСК

Вы можете не верить но – ей-ей! – пространство жизни стало холодной, и стонут облетевшие осины. Так стужа обретает высший смысл, и судно дном испытывает мыс, и пульс, воспрянув, снова обессилел.

Не веруя в осмысленность стиха, строку выводит новую рука, я дал зарок и сам его нарушил. Вопрос жесток: поэт или непоэт? Скорее, нет, но чёркаю куплет, чернилами исписывая душу.

Смятение. Сомнение. И боль. А нужно-то всего-то быть собой, с собой быть честным и прямолинейным. Моя неискупимая вина: когда душа отчаяньем полна, выплёскиваю смерть стихотвореньем.

ЧАСТИЦА

Не стоит, ибо ненормально текст начинать частицей «не».

Так зреют зёрна урагана в благословенной тишине, так из глубин растёт цунами прозрачной рябью на воде и те, кто уважаем нами, вдруг присягают пустоте и хвалят то, что – нет, не надо, – куплеты жалкие поют и, вешая на грудь награды, из дряни воздвигают культ.

Я сам такой. Ничуть не лучше. Я даже хуже остальных – всех тех, кто лезет вверх на кручу, чтоб воцариться там на миг. От лицемерия устал, но доволен жизнью я вполне. И кажется теперь нормальным текст завершать частицей «не».

ВНЕЗАПНЫЙ ДОЖДЬ

А по прогнозу не было дождя, но он пошёл, Гисметео игнорю, и город стал печально-мокрым вскоре. Из-под колёс фонтаны брызг летят, ломает ветер хлипкие зонты, срывает кепки, шарфики и шляпы. То рухнет стеной воды, то каплет дождь-интроверт – такой же, как и ты.

Синоптикам довериться? – Зачем?! Сюрпризы и кунштюки так прекрасны. Лишь город из бетона и пластмассы рыдает у равнины на плече.

Он плачет не от горя и обид на племя суетливое людское, которое бездумно строит, строит. Он плачет, потому что дождь убит асфальтом, водостоками, стеклом, ливнёвками он загнан в подземелья. Взрывается! И плещет еле-еле. С дождём и сердце улиц утекло.

ПОЭЗИЯ

Тихорецкое литературное объединение «Родник» – единственное, чьи авторы в полном составе приняты в Международный Союз писателей и деятелей искусств. Родниковцы успешно продолжают литературные традиции своих великих предшественников Аркадия Первенцева, Юрия Кузнецова, Валерия Горского. И руководители литературного движения юга России оценили успехи тихоречан: пять авторов являются членами СПР. Это Ужегов Генрих, Стариков Борис, Немыкина Ольга, Романов Владимир, Худякова Ольга. На подходе новые талантливые поэты – Чернухин Эдуард, Тарасенко Галина, Сенькина Ира и др.

Предлагаем вниманию читателей стихи тихорецких авторов.

ГЕНРИХ УЖЕГОВ

Маме

Жизнь земную мы делаем сами,
Сами новые ищем пути,
Только вот... возвращаемся к маме
Когда некуда больше идти.

Только в юности ценим мы мало
Нежность добрых морщинистых рук,
А ведь только она, только мама,
Наш единственный преданный друг.

Будет плохо – она пожалеет,
Будет трудно – конечно, поймёт.
Кто ещё мир души отогреет
И растопит уныния лёд?

Кто подскажет, поддержит, поможет
В этом мире греха и вражды,
Кто ещё так бесстрастно может
Заслонить от грозящей беды?

А как трудно бывает и больно
Когда рядом её уже нет,
Словно душу теряешь невольно,
Словно гаснет за окнами свет...

Наши страсти пылают кострами,
Но на жизненном трудном пути
Мы всегда возвращаемся к маме
Когда некуда больше идти.

Сероглазка

Моряки с мужскою лаской
У России на краю
Называют Сероглазкой
Бухту тихую свою.

Здесь у самого причала,
Ближе к кромке ледяной,
Сероглазка нас встречала
Первозданной тишиной.

Огоньки вдали дрожали,
Затухая иногда,
И подковой окружали
Бухту, море и суда.

Сопки, скрытые туманом,
Проступали в мягкой мгле,
Все казалось очень странным,
Нереальным на земле.

Лунный диск неярким светом
Сверху море освещал,
Будто нас в свои секреты
Осторожно посвящал.

Я запомнил эту сказку,
Светлой ночи тишину,
Эту бухту Сероглазку
И камчатскую волну.

Ток идёт по натянутым нервам...

Ток идёт по натянутым нервам,
И любовь с каждой встречей сильней,
Я хочу быть последним и первым,
И в душе, и в постели твоей.

Пусть не будет любовь легковесной,
Пусть взаимность нам станет щитом,
Чтобы мы, в нашей жизни совместной,
Не блуждали в тумане густом.

Не приемлю я ложь, даже в малом,
Ведь за ложью крадётся вражда,
А она за семейным штурвалом
Не приводит к добру никогда.

Долго был я мальчишкою скверным,
Но сейчас я уже не ковбой ...
Я хочу быть последним и первым,
Я хочу быть единым с тобой.

ОЛЬГА НЕМЫКИНА

Соберу осколки света

В лужах утро заблестело,
Как прозрачная слюда.
Под ногами захрустела
Корка тоненького льда.

Соберу осколки света –
Станет солнечно внутри.
На щеках заплещет лето
Цвета утренней зари.

Защепечут в елях птицы,
И стряхнут с деревьев снег,
Зимней сказки колесницы
Ускоряют свой разбег.

И накинёт мне на плечи
Утро розовую шаль.
Поспешу зиме навстречу
В сине-маревую даль,

Где её уже встречают
Хаты, избы, терема...
Без неё и я скучаю.
Здравствуй Зимушка-Зима!

Спроси меня

Спроси меня, откуда мой восторг,
Откуда свет, дающий вдохновенье?...
Поманит вдаль задумчивый простор,
И удивит внезапным откровеньем –

Разливом рек, и смелым буйством трав,
И клином журавлей у горизонта...
Я этот миг, до мелочи вобрав,
Прочувствую и трепетно и тонко.

Сольётся вдруг мелодия души
С мелодией природы воедино...
И от волненья в в горле запершит,
И слёзы навернутся без причины.

ОЛЬГА ХУДЯКОВА

Деревенька моя

Деревенька моя не близкая,
Заповедная даль моя.
Где, устав от движенья быстрого,
Отдыхаю так редко я.

От осенних дождей печальная,
Неказистая, в сто дворов.
Отчего же душой отчаянно
Я стремлюсь сюда вновь и вновь.

Я сюда с полустанка дальнего
По тропинке почти бегом.
С детских лет, как родные стали мне
Те черёмухи за мостом.

И, одетая, как с иголки,
Отряхнув вековую пыль,
Мне расскажет сосна с пригорочка
Может, небыль, а может, быть.

Если сердце свиданья требует,
Разве мы забывать должны,
Белокурых берёзок трепетность
И дыхание старины?

И, наверное, в нас не вытравишь
Васильковую даль небес,
Дым борожкой седой над крышами
И в грибных ароматах лес.

Где на ветках, едва заметная,
В паутинках дрожит роса,
Синевою озёра светятся,
Как России моей глаза.

Материнское горе

Поезд тёрся о рельсы
И урчал монотонно.
Вечер путником грелся
В полусонном вагоне.

Люди строили планы,
Пили чай и дремали.
Грыз задумчиво пряник
У окна чей-то малый.

Отгоняя усталость,
Кто-то вёл разговоры.
А ещё там металось
Материнское горе.

За погибшего сына,
Спать мешая соседу,
Мать кого-то просила:
– Вы дождитесь, я еду!

И в бездушный мобильник
Повторяла, как мантру:
– Я приеду за сыном,
Мне забрать его надо.

В те места, где родился
И где принял крещение.
Там родная могилка
Будет мне утешеньем.

В ночь, от бега хмелея,
Поезд мчался упрямо,
В ночь, устало смотрела
Постаревшая мама.

И стучали колёса.
В неба мгlistую сырость,
Где дождинки – как слёзы:
– Я приеду, дождитесь!

БОРИС СТАРИКОВ

Июль

Июль. На солнце рыжем
пекутся облака.
Я на закате вижу
их рыжие бока.

Покос бескрайний светел,
комбайн в святом огне.
И, как на флейтах, ветер,
Играет на стерне.

И к ним телком безрогим,
Толкаясь и спеша,
вдыхая пыль дороги,
спешит моя душа.

* * *

Часы, кафе и край вагона,
За горизонтом тает ночь,
А в небе кружится ворона
И улетает с криком прочь.

Зачем кричит? Какому богу?
Но кровь от страха горяча,
У ног железная дорога
Блестит как лезвие меча.

За чёрной тенью поворота,
Как у родной для них межи,
Сидят и молча ждут чего-то
В раздумье грязные бомжи.

Для них и тень, как одеяло,
Коль в небе света полоса,
А в дверь закрытого вокзала
Стучат студентов голоса.

Куда нас всех ведёт дорога,
Чего я жду? Кого боюсь?
И осмелев, прошу я Бога,
Не за себя прошу, за Русь!

ВЛАДИМИР РОМАНОВ

Монолог ополченца в Дебальцево

Постой, я только тягу заменю,
и можно снова в бой на БТР-е.
Война у нас сейчас, браток, в меню –
война, а не террор, по крайней мере.

Мы с ВСУ воюем вот уж год:
разбито всё вокруг, куда ни глянешь.
Но нас, бедой не сломленный народ,
скакать уж хрен заставят на Майдане.

Не всех, то правда – были байбаки...
Ну, ладно б дети, старики да бабы,
а то ведь, мать их, горе – мужики –
о совести припомнили хотя бы!

Как только укры начали бомбить,
они – за скарб, и сразу прочь майнули...
А, впрочем, пусть сбегают, так и быть –
мне на таких, ей Богу, жалко пули!

Закончится когда-нибудь война,
и эти, блин, домой опять вернуться,

но примет ли предателей страна –
а вдруг опять куда переметнутся?

Обуреваемы страстями...

Обуреваемы страстями,
а кто им не подвержен был,
за камнем в мир бросаем камень,
сжигая годы что есть сил.

И, не имея аргументов,
подчас срываемся на крик,
а от толпы аплодисменты
почтём за счастья высший миг.

И только в шаге от могилы,
где ждёт нас то ли Тьма, то ль Свет,
поймём, что есть иные силы,
а спешка – суета сует...

ЭДУАРД ЧЕРНУХИН

Ты стройней берёзки в роще...

Ты стройней березки в роще,
Создал же Господь!
Что в тебе люблю я больше:
Душу или плоть?

А в ответ мне: «Вы поэты
Очень странный люд!
Вам любить и то и это
Разве не дают?»

Я готов воды напиться
С нежного лица,
Только б нам поторопиться
Внять словам Творца.

Ветер платьице полощет...
Ох, и хороша!
Пусть ты в нем березки тоньше,
Но... важней душа.

Терпкий привкус оливы

Ресторан у залива
В переливах огней.
Золотится олива
В итальянском вине.

Вдохновенное рондо,
Саксофон и гобой.
Мы легко и свободно
Танцуем с тобой.

Столько чувственной ласки
В нежной нимфе с холста.
В сарафане атласном
Восхитительный стан.

Запах бархатной кожи,
Зелень пагубных глаз.
На себя не похожий
Я нелепостью фраз.

Из Ахматовой что-то
Про любовь наизусть,
А в душе отчего-то
Непонятная грусть.

В поцелуе на снимке
Неподдельный восторг.
В легкой призрачной дымке
Растворился Нью-Йорк.

Ресторан у залива
В переливах огней.
Терпкий привкус оливы
В итальянском вине.

Седая осень на челе...

Седая осень на челе
Рисует линии.
В хрустальной вазе на столе
Сухие лилии.

Дрожит полночная свеча,
Печалью плавится,
За нас с тобою отвечать
Свече не нравится.

Искрится розовой «Мускат»,
В бокалы просится
И что-то шепчет наугад
Старушке осени.

А ветер, старый хулиган,
Ругаясь с сучьями,
Стучит в окошко: «Капитан,
Еще получится!»

ДЕБЮТ

Сергей Белаяев
(Анапа)ВЫБОР ГРИГОРИЯ БАДЕЕВА
(рассказ)

В соседней комнате послышался кашель. Блатные послали Подкову на разведку.

— Кто там? — зычно крикнул он в бездонную темноту бетонного проёма. После небольшой паузы опять послышался приближающийся булькающий бронхитный кашель.

— Кто там? — уже с грозной интонацией в голосе повторил Подкова.

— Да я это! — произнёс, наконец, нарисовавшийся силуэт Бадеева Гришки.

— А чего ты тут шарись, доходяга, а ну быстро вали работать! — схватив Гришку за шварник, прошипел Подкова.

— Да мне с Тузом поговорить надо, дело важное есть — заискивающе затараторил Бадей.

— Стой тут! — Подкова вернулся в комнату к блатным, и через минуту деревянная с войлочной обивкой дверь открылась — заходи.

Это была единственная в строящейся лагерной столовой относительно утеплённая комнатка. Посреди неё на четырёх белокаменных кирпичах лежала раскалённая докрасна огромная никелевая спираль. Два провода плюс и минус были грубо прикручены к её противоположным концам, а сам шнур уходил под дверь в коридор и был втихаря подсоединён к общему трансформатору электросети колонии самозванцем-электриком из числа зеков. Вокруг этой опасной самодельной печки на деревянных ящиках сидели семь человек в чёрных телогрейках и такого же цвета робах — признак принадлежности к наивысшей касте лагерной иерархии, блатные пятьдесят второй строительной бригады пятого отряда. В комнате было сильно накурено какими-то дорогими сигаретами.

«Наверное, Мальборо или Бонд курят» — с завистью определил Гришка. Блатные по кругу передавали большую алюминиевую кружку с цифирём, оживлённо обсуждая что-то.

— Ну, чего хотел, доходяга? — отхлебнув из кружки, покосился на Гришку Туз.

— Мужики, я со свиданки только, двести рублей пронести удалось. Я бы хотел и хлеба, и курёхи хоть какое-то время прикупать — не хватает мне, а на отоварку в магазине зарабатывать здоровья нет — сами видите! Кого просить — не знаю, вот, давайте хоть вам деньги отдам — у вас ведь на зоне все дороги открыты...

— Да мы тебе няньки, что ли? Может тебя ещё от работы освободить и шконку на нижнем ярусе выделить? — угрожающе процедил Мариман.

— Совсем мужланы обарзели! Здоровья на затычку осталось, а всё туда же — курёху ему подавай. А то, что тебе хавки в столовке не хватает, так нечего гнать по воле! У тебя уже от этих гонок вши даже на голове развелись. И вообще, сколько за зиму развелось чертей-доходяг — отдельную секцию в бараке пора для вас выделять! — заорал озверевший от цифири Князь.

— Погоди, не шуми! — осадил Князя Туз, — Да, деньги-то нам сейчас не помешали бы — на мели последнее время сидим. На неделе со штрафного изолятора Русый выходит — надо робу ему новую на подъём, да на стол накрыть что-нибудь. Человек сорок пять суток шкуру морозил! Слышь, ты, как тебя там, Бадей, что ли? Давай деньги. А с хлеборезом я поговорю — будет тебе иногда хлеба подгонять по возможности. А насчёт курева — подойдешь вечером к завхозу. А пока на вот тебе — и протянул Бадею пару сигарет с коричневым фильтром. Бадей протянул в ответ две мятые купюры. — Всё, иди, можешь не работать сегодня, тусуйся где-нибудь, но смотри на съём не проспи — кивнул Бадею на дверь Туз.

Гришка вышел и растворился в темноте коридора. Выбрал самый дальний закуток, присел на сваленные в углу деревянные бруски и закурил «фартовую» сигарету. Глубоко затягиваясь и одурманиваясь с каждой затяжкой всё больше, Гришка, ослабевший и умиротворившийся, в который раз вспоминал свою жизнь на воле. Но впервые на зоне вспоминал не с жалостью к себе, и досадой, а как-то отрешенно и безразлично. Как будто просматривал в цветной кинохронике чью-то чужую жизнь, а не свою собственную.

Вспомнил, как в восемьдесят четвёртом году возвращались они с друзьями с танцев, хорошо разогретые водкой. Шли по ночному городу, громко смеялись, ма-

терились, а было им по семнадцать лет. И навстречу — наряд милиции и дружинников, патрулировавших их район. Сделали пацанам замечание, все притихли, и только Гришку понесло: начал пререкаться, оскорблять дружинников. А когда участковый милиционер попытался скрутить ему руки — вырвался и ударил того сперва по лицу, а потом ногой по рёбрам и в пах. На Гришку набросились дружинники, повалили его на землю, надели наручники. Вызвали дежурный наряд, приехали две машины, ядовитого жёлтого цвета «уазики». В зарешеченный задний отсек одной посадили Гришку, а на свободные сиденья обоих «уазиков» разместили остальных парней (для острастки) и отвезли в отделение. Тут надо заметить, что времена были андроповские, милиция не имела права применять по отношению к задержанному грубую физическую силу.

Гришке тогда дали три года с двумя годами отсрочки — пожалели. А ведь он, оказывается, сломал рёбра участковому, да и оскорбления сотрудника при исполнении тоже сурово наказываются. Но парень хорошо учился, да и вообще был на хорошем счету и у мастера, и у преподавателей. Суд был открытый, проходил прямо в актовом зале ГПТУ. Парни и девушки со всех курсов набились в зал: места все были заняты, кто-то стоял в проходах между рядами, кто-то теснился в дверях. Гришка держался геройски. Правда, когда прокурор запросил шесть с половиной лет — почувствовал, как ёкнуло сердечко.

А потом — почёт и уважение со стороны друзей и сокамерников. Как же, сопротивление власти, ментовские статьи! Блатная романтика витала в умах пэтэушников, разъедала их отчаянные умы своей доступной простотой. Протест государственным устоям — это в духе молодых. Многие ребята были из неблагополучных семей, часть была на учёте в детской комнате милиции. Гришка никаких выводов не сделал, наоборот, зазнался и загордился. Пьянки и похождения с друзьями продолжались. Однако благополучно успел закончить ПТУ, даже полгода работал по специальности. До конца отсрочки оставалось полмесяца, и снова залёт по тем же статьям: оскорбление и сопротивление сотрудникам милиции при исполнении. И снова по пьяни! Суд, конечно же, вляпал по полной — три с половиной года колонии общего режима. Гришка и через тюремную прописку перешагнул легко, и в перегруженной уголовниками камере поставил себя правильно (а соответственно и жил там хорошо), и даже на зоне первые месяцы мог постоять за себя. Но постепенно резкий контраст между суровой лагерной действительностью (малокалорийная пища и тяжёлый физический труд с обязательным выполнением ежедневной нормы) и вольной жизнью на полную катушку (с кабаками, девочками и полной свободой действий) всё чаще и чаще приводил Гришку в какой-то ступор. Да ещё и эти жестокие морозы с пронизывающим насквозь хакасским хиусом! Телогрейка не спасала, еды всё больше не хватало, мысли о вкусной и сытной пище всё чаще пронзали воспалённое воображение... Гришка стал стремительно доходить: сильно похудел, перестал следить за собой, завшивел. В столовой всё чаще его можно было видеть на подработке за шлёмку каши. На работе он мог спрятаться где-нибудь от ветра и «заморозиться» — просто стоять в аморфном состоянии, отрешившись от всего мира. Но его находили мужички покрепче, избивали, и пинками гнали таскать кирпичи или носилки с бетоном. Всё меньше общался он со своими семейниками, такими же зеками-первоходками. Да вскоре и сама семейка распалась: двое ушли в такое же одиночное плавание, как Гришка; двое других поднялись — стали прислуживать блатным да шерстяным. Жить семьёй на экзотическом законе означает — дружить. Эки инстинктивно составляют общественные ячейки по прототипу семейных, объединяя еду, интересы, защиту. Теперь они уже в

качестве шнырей блатных семеек щеголяли по бараку в милостиновых робах и голодного блеска в глазах у них уже нельзя было заметить. После тяжелой восьмичасовой рабочей смены таких завшивленных доходяг, как Гришка, до самого отбоя не пускали в жилую секцию и они, бедолаги, коротали время в забытовке, комнате для переодевания. В эту забытовку каждый вечер незадолго до отбоя наведывались приблатнённые ребята вместе с дневальным проверять дистрофиков на наличие вшей. Заставляли доходяг раздеваться догола и демонстрировать наизнанку внутренние швы рубы и нижнего белья. За каждую найденную вшу или гниду (отложенное в виде кокона потомство вши) бедняга получал либо мощный удар кулаком, либо увесистый пинок кирзачом. Экзекуция сопровождалась язвительными смешками и жестокими комментариями: лагерных доходяг сравнивали с истощёнными узниками немецких концлагерей Освенцим и Бухенвальд.

Блатные Гришку не обманули: на ужине в столовке хлеборез сунул ему три пайки чёрного хлеба. А завхоз в каптёрке передал четыре пачки сигарет «Прима» (без фильтра, но это даже лучше — с них больше накуриваешься). А дня через три Подкова передал Гришке поношенную, но ещё дроботную синюю милостиновую робу. И критически глянув на него, произнёс:

— На Бадей, носи, Князь передал. Да хорош чертогонить — живи мужиком. Ты же с этапа пришёл здоровым парнем, а сейчас посмотри в кого превратился! Статьи у тебя уважаемые сидельцами. Это зона, крутись, здесь каждый выживает, как может.

Гришка аккуратно завернул робу в холщовый мешок и оставил до воскресенья, банного дня. После бани он надел робу «с барского плеча», старую же, застиранную и завшивленную, с содроганием выкинул. В этот день его первый раз до отбоя пустили в жилую секцию и он, наконец-то, в человеческих условиях, облокотившись на тумбочку, отписал родителям длинное письмо. Окинул взглядом всю секцию: в проходах между шконками (кроватями) кучковались мужики, шерстяные, блатные. Одни цифирили, другие играли в карты, третьи просто обсуждали какие-то неведомые пока Гришке внутрилагерные интриги и последние новости. Бадей на минутку даже почувствовал себя здесь лишним и хотел уже уйти в родную и привычную забытовку, но усилием воли заставил себя остаться и даже непринуждённо поболтать с соседом, развалившимся на шконке справа. В дальнейшем он с ним даже подружился: Гришка делился с ним раздобытыми хлебными пайками, а тот, в свою очередь, угощал Гришку глюкозой (конфетами по лагерному) и даже сливочным маслом.

На работе Бадей старался увильнуть от таскания тяжёлых носилок с раствором по шатким трапам строительных лесов. Сперва он напросился помощником каменщика: подавал тому кирпичи, следил за своевременной доставкой раствора. Учился делать кладку по шнурке сам, а потом всё чаще стал подменять самого каменщика, когда тот спускался вниз цифирнуть или погреться у костерка. Бригадир оценил Гришкины старания и поставил его на кирпичную кладку, выделив двух помощников.

Наступила весна, прошёл первый год отсидки. Григорий окреп и физически, и морально. Его без колебаний приняли в крепкую мужицкую семью. Но он не загордился и никогда не позволял себе унижать слабых. Наоборот, заступался за доходяг, по возможности старался облегчить их несносное существование. Даже спас жизнь одному первоходу, Васье Зайцеву, восемнадцатилетнему парню из Ачинска. Вася схлопотал год срока за украденную в магазине шоколадку. Это был добрый, открытый душой парнишка, но оказался слабым духом и уже успел попасть под Краслаговские жернова Системы с её неписанным законом: слабого добивают. Он с са-

мого первого дня не поставил себя как надо: сперва молча сносил язвительные шуточки в свой адрес (хотя надо было бить в ответ), затем были тычки и подзатыльники, а потом на нём стали выезжать все, кому не лень. На стройке его ставили на самые тяжёлые работы, дневальный в отряде чаще других загонял его на мытьё полов, любой серенький мужичок, возмнивший себя некоей величиной в лагерной иерархии, гонял Васю с мелкими поручениями типа принеси-подай. Потом его стали бить просто так, вымещая на нём всю подзаборную злость — либо за кривым взглядом, либо за неверное слово. И парень не выдержал: после вечерней проверки ускользнул из барака и бесшумной тенью прокрался до стройки. Забрался в подвал, нашёл там кусок двухжильного изоляционного провода. Один конец привязал к металлической скобе потолочной бетонной плиты, а из другого соорудил петлю-удавку. Накинул петлю на шею, затянул. Во весь рост в низеньком подвале даже разогнуться было невозможно, не то чтобы встать на какую-нибудь опору, и Васю, подогнув ноги под себя и откинувшись назад, как-то полубоком повис на проводе. Захрипел и стал биться в конвульсиях: видимо, артерия на шее не была полностью передавлена.

Спас его Гришка, который почувствовал неладное ещё тогда, когда дневальный долго не мог найти Васю на мытьё коридора. Бадей моментально просчитал те немногие варианты решений, которые могли появиться в голове у отчаявшегося и забитого донельзя паренка, и не ошибся: оказался в нужное время в нужном месте и вытащил несчастного из петли. После этого случая он взял Васю под свою опеку: на работе поставил к себе помогалою на подаче кирпича, в отряде отмазал от полов, подкармливал, достал сносную робу, и уже подтягивал в свою семейку....

Но тут сам нарвался на неприятность: кто-то из местных стукачей доложил куму (заместитель начальника колонии по воспитательной работе) что у него, Гришки, в матрасе зашита деньги. А наличные деньги в зоне зекам иметь строго запрещено. И среди ночи со шмоном нагрянули менты, ДПНК (дежурный по надзору за колонией), подняли всю секцию. Переворошили все постели и тумбочки. У Князя нашли большую пачку чая и заточку (самодельный нож), что тоже было запрещено. А у Бадея распорол матрас и действительно нашли деньги, триста рублей. Сумма по советским временам немалая, а на зоне на них можно было купить всё: от мяса до водки. Так Бадей с Князем оказались в одной камере ШИЗО на пятнадцать суток. ШИЗО — это штрафной изолятор, тюрьма в лагере. Здесь отбывают наказание нарушившие режим содержания зеки. Камеры эти зимой холодные и сырые, летом — жаркие и душные. От подъёма до отбоя нельзя лежать — железные шконки складываются и прищелкываются к стене. Питание по принципу: день лётный, день пролётный. Т.е. один день дают только хлеб с водой, другой добавляют к этому ещё и жидкую баланду. Хлеб — спецвыпечка, непонятно из чего он выпечен, мнётся в руках, как глина. В камере находились ещё трое, как выяснилось позже, так называемые шерстяные (средняя прослойка между мужиками и блатными). Князь по праву сразу занял место у батареи (на самом деле сорокасантиметровый отрезок трубы отопления, выступающий из стены у пола). Тут же нашлась заварка чаю, шерстяные тут же сварили чифир. Кружка пошла по кругу вместе с самокруткой, начинённой табаком и коноплём. Раскумарились, пошли разговоры о том о сём — незаметно пролетел день. На следующее утро в камеру зашёл начальник изолятора, свирепо оглядел зеков и злобно крикнул:

— Выходим на работу, не прохладяться сюда прибили! — Но никто в камере не шелохнулся. — Отказники, что ли? Ну за отказ получите ещё по пятнадцать суток! — круто развернулся и вышел.

И потянулась неделя за неделей в мрачной холодной камере. На работу никто выходить не собирался, да и работой это никак нельзя было назвать: весь день на морозе во внутреннем дворе изолятора в полусобачьих зарешеченных конурах выпрямлять молотком ржавые кривые гвозди, либо обдирать рашпилем крупные детали от различных механизмов.

(Окончание на стр. 7)

Поэзия

Владимир Сорочкин

Председатель Брянской областной общественной писательской организации, секретарь Союза писателей России, член Союза писателей Союзного Государства. Главный редактор альманаха «Литературный Брянск».

Потаённое небо...

Потаённое небо вишневого цвета
Разольёт осторожно – волна за волной –
Тёплый чай утонувшего в зелени лета –
Терракотовый, терпкий, тугой, травяной.

Что за тени толпятся за нами, пугая?..
Ничего ты не скроешь: таи – не таи...
Как горьки на беспечных губах, обжигая,
Родниковые, глупые слёзы твои.

Улыбнись! – и не будь так строга и предвзята. –
Уходя, я навек забираю с собой
Глаз бесценных твоих акварельную мяту,
Смолянистый чабрец, золотой зверобой.

Зной

Дорога шла туда, где начинался зной,
И собственную тень притаптывали ноги.
Лес крался по бокам, и воздух слюдяной
Тлел над песком прямой, как долгий взгляд,
дороги.

Вдоль просеки, едва покачиваясь, плыл
Свод сосен и берёз, оттягиваясь мимо,
И радужница, сев в накатанную пыль,
Была, как всё вокруг, – чиста и недвижима.

Всё замерло на миг, протяжный, как юла
В движении своём на месте без запинок,
И бронзовый испод застывшего крыла
Сравнился с чешуёй обветренных песчинок.

Казалось, что вот-вот, и лес и высота
Смешаются, совпав в частицах и ионах,
Найдя единый тон, пролившись, как вода,
Вобравшая цвета от синих до зелёных.

Казалось, жар сейчас сомкнётся, завладеет
И всем и вся окрест – потерянно и слепо...
Но дрогнули крыла, и бабочка, взлетев,
Вернула на круги земную твердь, и небо...

Сирень

О, как спешит сирень цвести,
Когда ночами бьёт остуда.
Шепчу: «Прости меня, прости,
Моё нечаянное чудо...»

Пусть я ни в чём не виноват,
Но – посмотри, как – изнывая,
Сирень горит, слова горят,
Своей вины не сознавая.

Готов вобрать духмяный вихрь
Любой каприз, любую шалость,
Когда дыханье губ твоих
С небесным сумраком смешалось.

• Как густ и сладок аромат
• Цветенья, мая и печали. –
• Мы столько лет уже подряд
• Лишь этим воздухом дышали. –

• Так неразрывны и просты
• И бесконечны в дымке смутной
• И эта жизнь, и май, и ты,
• И этот день сиюминутный.

Пароход

• Летний день позабытого года
• На картинке из детского сна –
• За шумящей кормой парохода
• Расколочена солнца блесна.

• Он уже динозавр – с мешаниной
• Пассажиров, взошедших на бак,
• С паровой допотопной машиной,
• С капитаном, курящим табак.

• Обновлённый лазоревой краской,
• Он вальжен, почти невесом,
• И покрыта тщедушною ряской
• Муть воды под его колесом...

• Память всё ещё нежит и холит
• Отблеск лет, затерявшихся в снах...
• Что поделаешь: жизнь пароходит,
• На зелёных качаясь волнах.

Помню о вас

• Всем, кто ушёл, мне хотелось бы снова
• Доброе слово сказать иль полслова –
• Всем, кто ушёл.
• Всем, кто в закатной разлил позолоте
• Дни, промелькнувшие, словно в полёте
• Крылышки пчёл.

• Помню о вас, кто с терпеньем и болью
• Жил, на любовь отвечая любовью, –
• Помню о вас.
• Помню, что сретенье – не за горами,
• И проступает сильнее с годами
• Кровная связь.

• Живы во мне – отголосками счастья
• Все вы, родные, до смертного часа
• Живы во мне.
• Живы, печалям земным не вникая,
• Веткой сирени весну обнимая
• В радужном сне.

Живые огни

• В лёгкой дымке туманного газа,
• Неизвестно в кого влюблена,
• Половинкой кошачьего глаза
• В поднебесье мурлычет луна.

• Шерсть травы и листвы переливы
• Запахнули в кирпичный мешок,
• Но взрываются вишни и сливы
• Белоснежными вспышками щёк.

• До свиданья!.. Кусочками мела
• Дорисую живые огни,
• А поэзия – это похмелье
• От тебя в молчаливые дни.

• В шелестении слов утопая,
• Гаснут окна последние, чтоб
• Полночь сыто лоснилась, ступая
• Над разливом цветущих трупоб.

Сергей Зубарев

МОЛИТВА ЖЕНЫ

• Как не поверить мне в силу горячей мо-
• литвы? –
• Был я однажды такую молитвой спасён.
• Я угорал во времянке во сне, а не в битве.
• Спящему мне был ниспослан спасительный
• сон.
• Видел, жена моя в белых одеждах стояла
• В травах высоких на самой вершине холма.
• Лава из дыма по травам к подножью сте-
• кала,
• Где поглощала её непроглядная тьма.
• Руки простёрши, жена закричала: “Серёжа!”
• Снова: “Серёжа! Скорее иди же ко мне”.
• Трудно проснуться, коль жуткая тьма у
• подножья
• Тянет клещами и дым, и тебя в страшном
• сне.
• Но я проснулся и выполз скорее на воздух,
• Воздухом зимним не мог надышаться никак.
• Как же тепло мне сияли морозные звёзды!
• Как же был холоден в печке зияющий мрак!
• Боже, спасибо! – молитву жены Ты услы-
• шал.
• Дай же Ты силу словам, крепость духа в
• пути!
• Буду молиться о близких, куда б кто не
• вышел, –
• Чтобы и я мог кого-нибудь в жизни спасти.

ЮРОДИВЫЙ

• «Не любим мы Бога, не любим и Родину,
• Да что там страна, мы не любим себя, –
• Кричал на базаре какой-то юродивый, –
• Мы жизнь прожигаем, бесстыдно губя.

• Продали, что можно, страну разбазарили,
• По миру пустили советских людей,
• А новые русские, новые бары ли –
• Легко отказались от светлых идей.

• Грехами мы тяжкими насмерть повязаны:
• Верхи – те воруют, низы – горько пьют,
• Гнилая скамейка под старыми вязами,
• Она лишь бомжу дать готова приют...

• А сколько в России таких неустроенных?
• Да кто их считал! Всей стране не до них», –
• Вдохнул в себя воздух, на фруктах насто-
• янный,
• И вдруг замолчал, будто дал кто под дых.

• И кто-то жалел бедолаженку этого,
• Его обтекал суетливо народ,
• Какой-то остряк продавцу посоветовал,
• Неспелой хурмою заткнуть ему рот.

• Забился юродивый птицею раненой,
• Под чьи-то смешки и под крик: «Твою мать!..»
• Раздался над ним грозный окрик охранника:
• «Ступай, гражданин, не мешай торговать».

ДЕДОВСКИЕ ПЛАЧИ

• Дед Евсей вернулся с огорода,
• Яростью бессильно горя.
• Бабу он достал, крича: «Уроды!»
• Отменили праздник для народа,
• Отменили праздник Октября!
• Неужели, всё, что было, – зря?»

• Бабка ему зло: «Трезвее будешь.
• Старый чёрт, скорей угомонись!»
• И уже с теплом в хмельной остуде:
• «Помнишь, как мы жили? Как все люди,
• С радостью... Но вот и дожилИсь!»

• Что там праздник – отменили жизнь!..»

ПИСАТЕЛЯМ

Николаю Ивеншеву

• Пускай вы любимы не всеми
• И даже для многих смешны,
• Какое бы ни было время,
• Писать всё равно вы должны.

• Седлайте коней, Дон Кихоты!
• Буланых, гнедых, воронных...
• У вас столько много работы,
• И мельниц полно ветряных.

• Копьём станет правое слово,
• Прозаик ты или поэт!
• Сражайтесь, коль к битве готовы,
• За правду, за совесть, за свет.

• Покажется небо синее,
• И стрелки замрут на часах,
• Когда поцелуй Дульсинеи
• У вас расцветёт на губах.

• Вон где-то уже окрылённый
• Читатель летит в облака –
• Теперь он навеки влюблённый
• В мир книг, будто в небо – река.

НА СВАЛКЕ

• Над ней вороны кружатся и галки,
• Там копошатся грязные бомжи...
• Короче говоря, кипит на свалке
• Уродливая, страшная, но жизнь.

• Один нашёл вон полбутылки пива,
• Другой, фартовый, палку колбасы,
• А третьему достались – он счастливый! –
• Старинные настенные часы.

• На что они ему? Где его стены?
• Знать время ему тоже ни к чему.
• Оно застыло для него мгновенно,
• Лишь в руки взял бродяжию суму.

• А это кто, с манерами Сократа,
• В сторонке греет руки у костра?
• Философ местный и уже поддатый, –
• И хорошо! – как, впрочем, и вчера.

• И он изрёк торжественно и жалко,
• «Войну и мир» доставший из огня:
• «Страна, в которой книги жгут на свалках,
• На страшные пути обречена!..»

ПРОЗА

(Окончание. Начало на стр. 6)

Бадей за тридцать суток сровнялся в общении со «сливками» тюремного общества, стал своим среди них, даже князь ксиву (записку) в отряд блатный передал, где среди прочего упомянул о том, что Бадей правильный пацан. В общем, когда Григорий поднялся обратно в зону, в отряде его встретили тепло, семейники подогрели на высшем уровне, а Туз пригласил на разговор, естественно угостив ядрёным чифирём.

– Бадей, вопрос к тебе один имеется: тут на нашу бригаду в последнее время начальство давить начало, что медленно и плохо работаем – стройка почти встала. А им столовую к осени сдавать нужно. Отрядник (начальник отряда, как правило, в должности капитана) дёргать в кабинет к себе начал каждый день – выдай ему план и всё! А где я таких стахановцев найду? Ты у нас среди мужиков стал в авторитете, руководить, я думаю, сможешь. Предлагаю тебе сколотить новую бригаду и возглавить её, людей можешь взять и с нашей и с пятьдесят третьей бригады – они хоть и на выезде работают, а народу лишнего у них много, с удовольствием поделаются. К

осени столовую сдадите – все на поселение уйдёте, кому-то УДО (условно-досрочное освобождение) светит. Всё будет зависеть в первую очередь от тебя, бугор, – многозначительно подмигнул Бадею Туз.

Григорий задумался: колония поселения могла стать единственной надеждой выбраться отсюда побыстрее для многих доходяг, но и брать ответственность за несколько десятков человек он, честно говоря, побаивался. А колония поселения – это просто посёлок с бараками для заключённых, без колючей проволоки по периметру, с правом ношения вольной одежды, с зарплатой на руки, с полноценным питанием. Да ведь сколько людей он может спасти из этого ада!

– Да конечно же, я согласен, только, Туз, у меня будет одно условие: моих работяг не трогать! И дневальному это передай, и шерстяным своим накажи – я спрошу за каждого! Дай мне пару дней с людьми поговорить и списки составить, – уже тоном, не терпящим возражений, ответил Бадей.

– Вперёд, бугор, замётано, с отрядником я перетру – можешь действовать! – заулыбался Туз.

Григорий набрал в бригаду опытных и работящих каменщиков с большими сроками,

на носилки поставил мужиков покрепче да попроще. Половину народу составляли доходяги. Их поставил на подачу кирпичей, на рытьё траншей. Самых слабых – на уборку территории. У лагерного начальства потребовал для них дополнительное питание. И работа на стройке закипела. Теперь эски знали, за что работали! Для вшивых бригадир достал со склада чистые рубы и устроил им внеочередной банный день. Научился грамотно составлять сметы на зарплату, и теперь каждый человек из его бригады мог отовариваться в местном ларьке на десять рублей. Конечно же, деньги перечислялись на личную карточку и на ежемесячной отоварке можно было выбрать себе и хлеб, и сахар, и конфеты, и консервы, и маргарин, и курево, и чаю пятидесятиграммовую пачку. И через пару месяцев его доходяги окрепли: уверенный взгляд, твёрдая походка – это были сильные мужики, и никто их уже не мог назвать чертями! Бригада стала образцовой для всей зоны, блатные язвительно называли работяг стахановцами, но дальше язвительных шуток дело не шло – Григорий в обиду своих не давал. Работали во вторую смену, после съёма первой, пятьдесят второй бригады, которая после себя оставляла невыработанный

раствор и полную видимость деятельности. Погонять никого не надо было – все и так работали на износ. Вскоре нагрелась комиссия из Главного Управления – хозяин колонии с гордостью рассказывал о своих стахановцах, один подполковник, начальник соседней колонии усиленного режима даже просил познакомиться со знаменитым бригадиром. Григория вызвали в администрацию, долго расспрашивали, как ему это удалось, просили поделиться опытом. Его ответы не отличались разнообразием: всегда нужно думать о людях и работать на результат.

Столовая была сдана в начале осени, и хозяин, как и обещал, отправил всю бригаду на поселение. Григория лично пожал руку, поблагодарил и пожелал никогда не возвращаться в эти места. Освободился Григорий через год, по амнистии, уже совершенно другим человеком. Теперь нужно было делать выбор, и он его сделал: погостив немного у родителей, уехал на север, на заработки. Подальше от бывших дружков и от гнетущих воспоминаний. Там и остался, женился, построил дом. По слухам, стал трезвенником, построил приют для бездомных, занялся сельским хозяйством и создал маленький совхоз, где всем бомжам нашлась работа...

ПАНОРАМА

ЮБИЛЕЙ ПИСАТЕЛЯ В МУЗЕЕ

24 января в гостинной Литературного музея прошёл вечер, посвященный 80-летию писателя А. Д. Мартыновского, прозаика, поэта, публициста, автора двенадцати книг, изданных в Москве и Краснодаре. Произведения Александра Дмитриевича, рассказывающие о сельских тружениках, пахарях и сеятелях, представлены в музейной выставке «Жизнь учил не по учебникам». В фотографиях и документах отражена нелегкая жизнь писателя, познавшего с детства голод и безотцовщину. Пожелтевший от времени экземпляр газеты «Адыгейская правда» от 22 июня 1958 г. с публикацией стихов студента Майкопского сельскохозяйственного техникума напоминает о рано проявившемся поэтическом даре юбиляра. Комсомольская путевка, выданная юноше Мартыновскому в 1957 г., свидетельствует о том, что по призыву ЦК ВЛКСМ он добровольцем ушел осваивать целинные и залежные земли...

Поздравить юбиляра в Литературный музей пришли официальные лица – представитель министерства культуры Краснодарского края Т. И. Юрченко, директор краевой универсальной научной библиотеки им. А. С. Пушкина В. В. Гончарова, которые вручили поздравительные адреса и цветы писателю. Председатель Краснодарского регионального отделения Союза писателей России С. Н. Макарова рассказала о гранях таланта А. Д. Мартыновского. Сослуживцы, коллеги по перу: Л. Д. Бирюк, Т. П. Немчинова, Н. Т. Василинина, Л. К. Мирошникова, В. К. Богданов, Н. Н. Петрова-Хорина – горячо поздравляли писателя, овладевшего не только литературным искусством, но владеющего великим даром любить людей и Родину. Солисты Театра ветеранов сцены В. Генин, заслуженный артист Российской Федерации и О. Грудина вдохновенно исполнили любимые романсы. Студенты Краснодарского муниципального медицинского института высшего сестринского образования прочитали стихи юбиляра. В теплой обстановке зашел разговор о родстве профессий медика и писателя, Александр Дмитриевич привел слова А. П. Чехова: «Профессия врача, медика, как литератора – подвиг. Она требует самоотвержения, чистоты души и чистоты помысла».

Прощаясь с сотрудниками музея, А. Д. Мартыновский подарил свои новые книги «На перевалах» и «На теплой земле», а также дал обещание встретить своё 90-летие в музее, где его любят и всегда ждут.

Г. К. Постарнак,
старший научный сотрудник
Литературного музея Кубани

● 25 января в литературной гостинной Краснодарской краевой универсальной научной библиотеки им. А. С. Пушкина прошло мероприятие «Я душу вам, как братьям, раскрываю», посвященное 65-летию кубанского поэта Вячеслава Александровича Динеки.

От имени и по поручению министра культуры Краснодарского края Виктории Лапиной заместитель руководителя отдела библиотечной, музейной и кинодеятельности

Дарья Езеева вручила юбиляру благодарственное письмо за значительный вклад в развитие литературного процесса на Кубани.

Творчество В. А. Динеки с самых первых газетных публикаций и до вошедших в авторские сборники произведений последних лет, наполнено глубокой любовью к человеку, верой в идеалы добра, света и справедливости. Именно поэтому стихи поэта неизменно пользуются интересом и признанием читателей. Многие годы Вячеслав Александрович Динека работает ответственным секретарем в редакции газеты «Кубанский писатель». Поэт постоянно участвует в общественной и культурной жизни края – в поэтических вечерах и встречах с читателями, руководит краевым литературное объединение «Верность».

Поздравить юбиляра на творческий вечер пришли представители Краснодарского регионального отделения Союза писателей России и Союза композиторов Кубани, творческого объединения «Верность», Клуба творческой интеллигентности Кубани «Возрождение», актеры Краснодарского академического театра драмы и поклонники творчества поэта из Краснодарского государственного института культуры.

Кроме официальных поздравлений прозвучали музыкальные и поэтические выступления. В завершение творческой встречи Вячеслав Александрович Динека прочел свои стихи, ответил на вопросы.

Сотрудники Краснодарской краевой универсальной научной библиотеки им. А. С. Пушкина представили на встрече юбилейную выставку «Я душу вам, как братьям, раскрываю». Экспозицию составили книги поэта, его публикации в печатных изданиях и статьи, посвященные его творчеству и общественной деятельности.

● 1 февраля в литературной гостинной Краснодарской краевой универсальной научной библиотеки им. А. С. Пушкина состоялась тандем-презентация сборников, посвященных кубанским мастерам художественного слова.

Первый справочник «Писатели Кубани», изданный библиотекой им. А. С. Пушкина, объединил имена членов двух писательских союзов: Союза писателей России и Союза российских писателей. В сборник вошли библиографии 147 писателей, связанных своей судьбой и деятельностью с Краснодарским краем.

Справочник предназначен для литературоведов, преподавателей литературы, аспирантов и студентов гуманитарных вузов, работников издательств, библиотек и других учреждений культуры. Он может быть использован всеми, кто интересуется литературой Кубани.

Второй справочник «Писатели Кубани: XXI век» подготовили к изданию в Краснодарском региональном отделении Союза писателей России к 70-летию краевой писательской организации. В нем – 35 имён ныне здравствующих писателей.

В презентации приняли участие литераторы во главе с председателями творческих Союзов на Кубани Светланой Макаровой и Ларисой Новосельской.

СОБИНФО

ПАНОРАМА

«РОДНИКОВЦЫ» НА ФЕСТИВАЛЕ В ЛНР

В ноябре 2017 г. в Луганской народной республике проходил литературный фестиваль «Музы Малороссии». Поэты Тихорецкого «Родника» были приглашены на этот поэтический праздник и приняли в нём активное участие. Фестиваль проходил в г. Молодогвардейске, почти все улицы города носят имена героев Краснодарского подполья: Олега Кошевого, Сергея Тюленина, Земнухова, Осьмухина, Громова, Шевцовой.

Наша делегация в составе четырёх человек (Г. Ужегов, Г. Леликов, А. Калинин и В. Максименко) прибыла в ДК г. Молодогвардейска и встретили нас очень радушно – музыка, стихи, песни. Первое мероприятие, в котором «родниковцы» приняли участие – выступление в клубе одного из районов города – Атамановке. Тихорецкие поэты, писатели Донецка, Краснодона Москвы, Беларуси, Молодогвардейска и близлежащих городов, читали стихи и рассказы, пели песни, рассказывали о работе своих литературных объединений. Второй день нашего пребывания в ДЛР был расписан по минутам. С 9-00 до 11-00 – экскурсия по городу: новый парк со стелами в честь героев, павших в борьбе за независимость Луганской народной республики, памятники, неразорвавшиеся ракеты и снаряды, разрушенные дома и школы. Затем была поездка в Краснодар. Здесь одними из самых величественных зданий – музей «Молодой гвардии».

Экскурсовод вёл нас из зала в зал, и мы видели, как зарождалась организация, видели вещи и лица молодых ребят и девчонок, которые ещё не успели пожить, но уже знали – нет на свете ничего более святого, чем преданность своим идеалам, своей Родине. После посещения музея нас повезли к месту казни большинства молодогвардейцев. Мы проезжали мимо сохранившейся школы, где училось большинство из них, мимо домика Любы Шевцовой и Ивана Земнухова. Рассказывают: когда истерзанного пытками Ивана Земнухова везли к месту казни, он, проезжая мимо своего дома успел крикнуть:

– Прощайте, мама и папа. Нас везут на смерть. Не надо плакать...

Эти слова услышал отец, вышедший в тот момент на крыльцо дома. Видно почуяло что-то родительское сердце...

Из Краснодона наш автобус вновь направился в ДК города Молодогвардейск. Опять выступления, стихи, концерт музыкальных и танцевальных коллективов города. Тихорецкие авторы показали себя с наилучшей стороны. В разных номинациях мы получили грамоты и дипломы (одно первое место, четыре вторых, одно – третье).

26 ноября – последний день фестиваля. По нашей просьбе нас первыми выпустили на сцену и здесь мы снова читали стихи, потом вручали подарки членам литобъединения «Муза Новороссии», мэру города и зав. отделом культуры. Нас очень тепло приветствовали, долго не хотели отпускать. Вынесли решение: приехать к нам с ответным визитом в октябре 2018 года (на Международный фестиваль).

Сейчас, анализируя эту поездку, я хочу отме-

тить, что самое ценное в ней – общение с людьми. При первом же знакомстве с жителями Донбасса заметна какая-то особенная теплота в отношениях людей друг с другом, желание помочь и быть полезным тем, кто пострадал от войны. Любовь к России, надежда на Россию – вот главный лейтмотив отношения к русским.

Я задал провокационный вопрос хозяевам дома, в котором мы останавливались:

– Неужели никого у вас тут нет, кто бы хотел, чтобы здесь снова была Украина?

– Не-не-не! Это даже не обсуждается! Всё, вопрос решённый. Никому тут Украина абсолютно не нужна после всего того, что произошло!

Не воодушевляют жителей Донбасса и слова президента Украины: – У нас дети пойдут в школы и детские сады, их дети будут сидеть в подвалах.

И, надо сказать, это редкое обещание, которое Порошенко действительно выполняет. А вот правительство ДНР желает своим детям совсем другой судьбы.

Конечно, бессмысленно говорить, что на Украину тут у многих большая обида. Даже те, кто был к ней положительно настроен, не смог сохранить тёплые чувства. Действительно, это сложно, когда по твоему дому армия стреляет, а ты ничего не можешь поделать.

– Я почему пошёл в ополчение, – рассказывает один из жителей Луганска, служивший несколько месяцев в армии ДНР. – Ну, конечно, финансовый вопрос не последний. Всё же семья у меня, ребёнок, а работы никакой нет. Но не это главное. Вот поехали мы с тестем на дачу. Идём по улице, и тут начался массированный артобстрел. Я хочу спрятаться, а некуда! Слева забор, справа забор! Укрылись мы с ним под каким-то деревцем. И такое зло у меня на них взяло: вот они стреляют по мне, а я им ничем не могу ответить. И чего я им сделал то? За что? Ладно, когда я сам ещё на фронте, тут у нас шансы равные. Но когда я без оружия...

Несмотря на войну, культурная жизнь в ЛНР и ДНР не затихает. Донбасс обрастает фольклором – песнями, фильмами. В интернете можно найти немало песен, посвящённых ДНР, борьбе с хунтой и т.д. Популярен на Донбассе клип на песню «Вставай, Донбасс». Звучит он постоянно, песню в республиках активно слушают, и уже пророчат в неофициальный гимн ДНР.

К России и россиянам в ДНР и ЛНР отношение самое тёплое. Недаром, на въезде в Луганск у дороги громадное полотно со словами: «Спасибо, Россия». А в печати непризнанных республик часто можно встретить слова И. Сталина: «... У русского народа – ясный ум. Он как бы рожден помогать другим нациям! Русскому народу присуща великая смелость, особенно в трудные времена, в опасные времена. Он инициативен. У него – стойкий характер. Он мечтательный народ. У него есть цель. Потому ему и тяжелее, чем другим нациям. На него можно положиться в любую беду. Русский народ неодолим, неисчерпаем!».

Генрих Ужегов

ВНИМАНИЕ, КОНКУРС!

Краснодарское региональное отделение Союза писателей России при поддержке Министерства культуры края объявляет о проведении краевого литературного конкурса для студентов и школьников «По велению сердца», посвященный Году добровольца в России. Приглашаем принять участие авторов литературных произведений в возрасте от 12 до 18 лет. На конкурс принимаются рассказы и стихи, а также очерки, эссе, посвященные данной теме. Объем поэтических произведений не должен превышать 200 строк и не более пяти произведений. Объем прозаических произведений не более 10000 символов, включая пробелы и знаки препинания.

Подача заявки для участия в конкурсе в электронном виде с указанием Ф. И. О. автора, возраста, места проживания на адрес: snmakarova@mail.ru Сроки подачи заявки с 1 марта

до 1 ноября 2017 г. Подведение итогов конкурса пройдет в ноябре. Победители конкурса получат дипломы и ценные призы.

Внимание! Краснодарское отделение Союза писателей России в ноябре 2018 года проводит **краевой семинар начинающих литераторов, посвященный 75-летию освобождения Кубани от немецко-фашистских захватчиков.**

Для конкурсного отбора талантливых прозаиков и поэтов рукописи принимаются с 1 марта по 30 октября. Объем поэтических текстов не должен превышать 10 000 знаков, с пробелами, прозаических – до 15 000 знаков. Рукописи принимаются в электронном виде с указанием Ф. И. О. автора, возраста, места проживания на адрес: snmakarova@mail.ru. Участникам семинара будут вручаться именные сертификаты, лучшие из участников – рекомендованы в Союз писателей России.

Газета Краснодарского регионального отделения
Союза писателей России
Кубанский Писатель

Зарегистрирована Кубанским управлением
Федеральной службы по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации:
ПИ № ФС-14-0358 от 24 апреля 2006 г.

Учредитель – КРО СП России;

Юридический адрес: 350065 г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3

Издатель: ИП «Кириллица»

Юридический адрес: 350065 г. Краснодар, ул. Парусная, 20/3
ИНН 21320897906

Главный редактор: С. Н. Макарова
Ответственный секретарь: В. А. Динека

Редколлегия:

В. А. Архипов, Л. Д. Бирюк, Н. Т. Василинина, А. В. Горбунов, В. В. Дворцов (Москва), Н. А. Ивеншев, Л. К. Мирошникова, В. Д. Нестеренко, Н. В. Переяслов (Москва), Б. М. Стариков, А. Н. Пономарев.

Компьютерная верстка
и художественное оформление: А. Прокопенко
Корректор: Ю. Полушина

Подписной индекс 54713
АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Адрес для отправки корреспонденции
350000 Краснодар, ул. Коммунаров, 58
тел.: 8(988) 244-09-11

E-mail: snmakarova@mail.ru

Электронная версия газеты на сайтах
http://sites.google.com/site/sprosia
и https://sites.google.com/view/krospr-gazeta
и Краснодарской краевой универсальной
научной библиотеки им. А. С. Пушкина

www.pushkin.kubannet.ru

Отпечатано в типографии
ООО «Флер-1»

г. Краснодар,
ул. Уральская, 98/2
8(861) 274-10-74

Заказ № _____

Подписано в печать
19.02.2018 г.

по графику в 10.00,
фактически в 10.00.

Тираж: 999 экземпляров
Цена свободная